

*Гасу, Бин и Винни.
Всем сердцем*

FUZZ

WHEN NATURE BREAKS THE LAW

MARY ROACH

W. W. NORTON & COMPANY

Independent Publishers Since 1923

МЭРИ РОУЧ

ШЕРСТЬ ДЫБОМ

МЕДВЕДИ-ВЗЛОМЩИКИ,
МАКАКИ-МАРОДЕРЫ
И ДРУГИЕ ПРЕСТУПНИКИ
ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2025

УДК 591.5
ББК 28.687
Р79

Переводчик Галина Бородина
Научный редактор Михаил Никитин
Редактор Олег Бочарников

Роуч М.

Р79 Шерсть дыбом: Медведи-взломщики, макаки-мародеры и другие преступники дикой природы / Мэри Роуч ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 344 с.

ISBN 978-5-91671-432-6

Что делать с лосем, переходящим дорогу в неположенном месте? Или с медведем, пойманным на взломе с проникновением? Триста лет назад животных, нарушивших закон, отдавали под суд, назначив им официального представителя. В наши дни, как выяснила популярная писательница Мэри Роуч, ответы нужно искать не в области юриспруденции, а в сфере науки — любопытнейшей дисциплины, изучающей конфликт человека и животных. Вместе с читателем Роуч буквально ходит по пятам за криминалистами, расследующими нападения диких зверей на человека, за специалистами по конфликтам людей и слонов, за менеджером по работе с медведями... При этом, рассказывая о дикой природе, нарушающей человеческие законы, Роуч ничуть не меньше рассказывает о самом человечестве — и приходит к выводу, что, когда дело касается «проблемных» животных, проблемой — как, кстати, и ее решением — чаще всего оказываются люди. Увлекательная, остроумная и человечная книга «Шерсть дыбом» дарит надежду на гуманное сосуществование видов в бесконечно расширяющейся среде обитания человека.

УДК 591.5
ББК 28.687

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-91671-432-6 (рус.)
ISBN 978-1-3240-0193-5 (англ.)

© Mary Roach, 2021
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

Оглавление

Пара слов для начала.	7
1. Убойный отдел Криминалистическая экспертиза, когда убийца — не человек	11
2. Взлом с проникновением и пожиранием Что делать с голодным медведем?	34
3. Слон в комнате Смертоносные килограммы	65
4. Зловещие пятна Как леопард становится людоедом?	87
5. Мартышкин труд Контрацепция для мародерствующих макак	107
6. Неуловимые кугуары Как посчитать то, чего не можешь увидеть?	133
7. Когда рушится лес Бойтесь опасных деревьев	155
8. Жуткие бобы Стручок как соучастник убийства.	169
9. Окей, бумер Тщетные войны с птицами.	191

10. Снова в дороге	
Прогулки с животными в неположенных местах	210
11. Спугнуть воришку	
Тайное искусство отпугивающих устройств	233
12. Чайки святого Петра	
Ватикан испытывает лазер	248
13. Иезуит и крыса	
Советы по борьбе с дикими животными от Папской академии жизни	266
14. Ласковое убийство	
Кому есть дело до вредителя?	278
15. Исчезающая мышь	
Пугающая магия генного драйва	306
Благодарности	329
Библиография	333

ПАРА СЛОВ ДЛЯ НАЧАЛА

26 июня 1659 года представитель пяти городов одной из провинций Северной Италии инициировал судебное разбирательство в отношении гусениц. Гусеницы, сообщалось в исковом заявлении, вторгаются в чужие владения и подворовывают в садах и огородах местных жителей. Насекомым выписали судебную повестку, размножили ее в пяти экземплярах и приколотили к деревьям в лесах по соседству с каждым из городов. Гусеницам приказали в указанный час 28 июня явиться в суд, где им назначат законного представителя.

Естественно, в назначенное время гусеницы в суд не пришли, но делу тем не менее дали ход. В сохранившемся документе суд признает право гусениц жить свободно и счастливо — при условии, что это не «мешает счастьем людей...». Судья постановил, чтобы гусеницам выделили другой участок земли, на котором они смогут добывать пропитание и наслаждаться жизнью. К тому времени, как были проработаны все детали, ответчики уже окуклились и прекратили разорять сады, так что все стороны судебного процесса без сомнения остались довольны его исходом.

Дело это описано в необычной книге, изданной в 1906 году: «Уголовное преследование и смертная казнь животных». Когда я впервые ее пролистала, то подумала, что это, должно

быть, какая-то грандиозная мистификация. Там рассказывалось о медведях, официально отлученных от церкви, о слизняках, которым трижды выносилось предупреждение, что они должны прекратить досаждать фермерам под страхом наказания. Но автор, уважаемый историк и лингвист, быстро развеял мои сомнения обилием деталей, взятых из подлинных документов, девятнадцать из которых помещены в разделе приложений на языке оригинала. Там имеется подробный отчет о расходах, составленный французским бейлифом* в 1403 году после суда над свиньей, обвиненной в убийстве («Затраты на содержание ее под стражей — шесть парижских солей»). Там есть постановление о выселении, выписанное крысам и просунутое им в нору. Иск от 1545 года, поданный виноделами против зеленых долгоносиков, сохранил для нас не только имена адвокатов, но и ранний образец испытанной адвокатской тактики — затягивания времени. Насколько я могу судить, слушания длились то ли восемь, то ли девять месяцев, что в любом случае превышает продолжительность жизни долгоносика.

Я рассказываю обо всем этом не для того, чтобы обличить глупость системы правосудия прошлых времен, но чтобы показать, что конфликт человека и диких животных трудноразрешим по самой своей природе, как хорошо известно тем, кто сегодня сталкивается с этой проблемой по роду своей деятельности. Люди веками безуспешно искали ответ на вопрос: «Как следует поступать, когда животные нарушают законы, предназначенные для людей?»

Действия магистратов и прелатов, естественно, не имели никакой рациональной основы, поскольку крысы и долгоно-

* Судебный пристав, заместитель шерифа. — *Прим. ред.*

стики не способны понять принципы имущественного права, и было бы странно рассчитывать, что они станут подчиняться моральным нормам человеческой цивилизации. Целью было застрашать и впечатлить население: *смотрите, даже природа должна склониться перед нашей властью!* Надо сказать, что в каком-то смысле это действительно производило впечатление. Судья XVI века, проявивший снисхождение к кротам с малыми детками, демонстрировал не только свою власть, но и свое участие и сострадательность.

Пробежавшись по Средневековью и последующим столетиям, я начала задумываться, что нового в эти вопросы принесла современная эпоха. Изучив примеры запутанных решений, предложенных религией и правом, я решила выяснить, как на это смотрит наука и какие ответы она может предложить в будущем. Так начались странствия, в которых меня сопровождали люди ранее неизвестных мне профессий: специалист по конфликтам людей и слонов, менеджер по работе с медведями, рубщик-взрыватель опасных деревьев. Я общалась со специалистами по нападениям хищников, с криминалистами, расследующими такие нападения, с создателями лазерных пугал и с испытателями щадящих ядов. Я побывала в нескольких «горячих точках» — в глухих переулках Аспена (штат Колорадо), в терроризируемых леопардами деревушках индийских Гималаев, на площади Святого Петра в ночь перед пасхальной мессой, которую служил папа римский. Я изучала вклад как профессионалов прошлого — экономических орнитологов и крысоловов, так и тех, кто заботится о нашем будущем — генетиков, работающих в сфере сохранения биоразнообразия. Я пробовала на вкус приманку для крыс. Меня ограбила макака.

Все в книгу, конечно, не вошло. Две тысячи видов животных в двух сотнях стран регулярно делают что-то такое, что

сталкивает их с людьми. И в каждом конфликте требуется уникальное решение — с учетом обстоятельств, биологических видов, ставок на кону и заинтересованных сторон. Здесь вы узнаете лишь о самых ярких моментах двухлетнего исследования — путешествия по миру, о существовании которого я даже не подозревала.

Первая половина книги посвящена тяжким уголовным преступлениям. Умышленное убийство и убийство по неосторожности, серийные убийства и тяжкие телесные повреждения. Грабеж и незаконное проникновение в жилище. Похищение тел. Кража подсолнечных семян в особо крупном размере. В ряду преступников как обычные подозреваемые — крупные кошки и медведи, так и несколько не совсем обычных — мартышки, черные трупалы, Дугласовы пихты. На последних страницах исследуются преступления менее тяжкие, зато более распространенные. Мы поговорим о копытных, переходящих дорогу в неположенных местах. О грифах и чайках, которые портят имущество без всякой видимой причины. О гусях, пачкающих газоны, и грызунах, нарушающих границы частных владений.

Конечно, это не назовешь преступными деяниями в буквальном смысле слова. Животные не следуют законам, они следуют инстинктам. Как правило, дикие звери на этих страницах — обычные животные, которые ведут себя так, как и положено животным: кормятся, испражняются, устраивают логова, защищают себя или свой молодняк. Просто все это не всегда идет на пользу человеку, дому этого человека или его урожаю. Как бы там ни было, существует конфликт, который ставит людей и административные органы перед непростыми дилеммами, создает трудности живой природе — и снабжает материалом автора еще одной необычной книги.

ГЛАВА 1

УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ

Криминалистическая экспертиза,
когда убийца — не человек

На протяжении большей части прошлого века шанс человека погибнуть в результате нападения пумы не превышал шанса погибнуть в результате падения каталожного шкафа. Снегоуборочные машины убивают в два раза больше канадцев, чем медведи гризли. В тех редчайших случаях, когда житель Северной Америки гибнет в лапах млекопитающего Северной Америки, расследовать это происшествие приходится офицерам и служащим департаментов рыбного и охотничьего хозяйства штата или провинции (в штатах наподобие моего, где охота не так распространена, их переименовали в департаменты рыбных ресурсов и дикой природы). Из-за того, что случается такое крайне редко, мало у кого из этих мужчин и женщин есть соответствующий опыт. С браконьерством они сталкиваются куда чаще. Но когда роли меняются и в качестве подозреваемого выступает животное, возникает потребность в других методах криминалистической экспертизы.

Иначе ошибок не избежать. В 1995 году, когда на лесной тропе нашли мертвым молодого мужчину с колотыми ранами в области шеи, предположили, что в его гибели повинна пума, в то время как настоящий убийца, человек, разгуливал на свободе. В 2015 году волка ошибочно обвинили в том, что он якобы вытащил мужчину из спального мешка и убил его. Из-за того, что происходят такие случаи, и существует WHART* (Обучение методам реагирования на нападения диких животных) — «ужаснейший акроним», по признанию его основателя. WHART — это пятидневный курс, состоящий из лекций и практических занятий на местности; проводят его сотрудники Службы охраны природы канадского штата Британская Колумбия**.

Потому что у них-то опыт есть. В Британской Колумбии пумы нападают на людей чаще, чем в любом другом североамериканском штате или провинции. В Британской Колумбии насчитывается 150 000 черных медведей (даже на Аляске их меньше — 100 000), 17 000 гризли и 60 специалистов по нападениям хищников, 14 из которых (специалистов, не медведей) на этой неделе приехали из Канады, чтобы поработать инструкторами WHART. WHART-2018 проводится Департаментом дикой природы штата Невада, у которого есть отделение в Рино. Этот факт помогает объяснить, почему профессионалов в области дикой фауны обучают в здании казино, дикая фауна которого сводится к мохнатым человекообразным на игровом автомате «Йети Бетти» и к неназванной «биологической угрозе», из-за которой на день закрыли бассейн. Кроме WHART, похоже, конференц-центр казино «Бумтаун» на этой неделе никто

* Wildlife-Human Attack Response Training. — *Прим. пер.*

** Так в Канаде называются департаменты рыбного и охотничьего хозяйства. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

больше не забронировал. В соседнем помещении администрация комплекса режется в бинго.

Нас, слушателей, — общим числом около восьмидесяти человек — разбили на группы и каждую препоручили заботам одного из экспертов. Их, как и вообще канадцев, от белых американцев можно отличить в основном по манере речи. Я говорю о характерной привычке северян заканчивать предложение вопросительным междометием. Очаровательный обычай, который несколько сбивает с толку в контексте темы разговора. «Он стал отличным источником пищи и все такое, а?», «Держится на двух-трех сухожилиях, так, да?».

Наш конференц-зал «Пандероза» — это стандартное помещение с подиумом и экраном для демонстрации слайдов и видео. Из антуража выбиваются только пять больших черепов животных, которые, словно участники панельной дискуссии, разместились на длинном столе в передней части комнаты. На экране медведь гризли атакует Уилфа Ллойда, жителя Кранбрука в Британской Колумбии. Видео — часть презентации, озаглавленной «Тактика отстрела хищника, нападающего на человека». Инструктор рассказывает, с какими трудностями столкнулся зять Уилфа, пытаясь застрелить медведя и не задеть человека: «Не было видно ничего, кроме медвежьей туши, да еще время от времени выглядывала рука или нога Уилфа». Зять спас Уилфу жизнь, но ранил его в ногу.

Еще одна проблема: меткость стрельбы ухудшается под воздействием адреналина. На мелкую моторику надежды нет. Что надо делать, говорят нам, так это «бежать прямо на зверя, воткнуть в него пушку и стрелять вверх», чтобы не задеть пострадавшего. Правда, в этом случае вас подстерегает опасность «перенаправления атаки». Это успокаивающее техническое выражение означает, что зверь бросил свою жертву и теперь идет за вами.

Второе видео иллюстрирует важность порядка и дисциплины в суматохе, которая поднимается при нападении хищника. Перед нами сафари: лев преследует охотника. Другие члены охотничьего отряда разбегаются в разные стороны. Видео неоднократно ставят на паузу, когда ружье оказывается направлено сразу и на льва, и на человека непосредственно за ним. «Держитесь вместе и переговаривайтесь», — советуют нам. Позже мы попрактикуемся в таких вещах в приближенной к жизни полевой обстановке в безлюдном месте на берегу реки Траки, чуть ниже казино.

Курсор переводят на стрелку «пуск», и лев возобновляет атаку. Я раньше работала в зоопарке: рычание в львином вольере во время кормления не описать словами. У меня кишки сворачивались. И это была всего лишь застольная беседа! Лев на видео хочет запугать и уничтожить. Игроки в бинго наверняка недоумевают, что же, черт возьми, происходит в зале «Пандероза».

После еще одной презентации мы делаем перерыв на ланч. Заказанные заранее сэндвичи уже ждут нас у стойки кафе при казино. Мы стоим в очереди, притягивая любопытные взгляды. Думаю, столько сотрудников правоохранительных органов, да еще в форме, в игровом заведении нечасто увидишь. Я беру пакет с едой и следую за небольшой группой офицеров Службы охраны природы, которые направляются на лужайку. Их кожаные треккинг-ботинки скрипят на ходу. «И тут она смотрит в зеркало заднего вида, — говорит один, — а на заднем сиденье медведь ест попкорн». Разговоры в кулуарах конференций, где собираются офицеры природоохранных служб, — это нечто. Накануне вечером я зашла в лифт в тот момент, когда какой-то мужчина спрашивал: «Пробовали когда-нибудь лосятину?»

Пока мы обедали, инструкторы сдвинули стулья к стенам и разложили на столах мужские и женские учебные мане-

кены из мягкого на ощупь материала — по одному для каждой группы. Сверяясь с фотографиями, инструкторы с художественными задатками при помощи краски — и, видимо, ножовки — убедительно воспроизвели на манекенах раны, полученные реальными пострадавшими. Раны — слишком мягкое слово для описания увечий, на которые способны когти и клыки.

Нашей группе достался женский манекен, хотя по тому, что осталось от лица, разобрать пол практически невозможно; не помогает и табличка, прикрепленная к столу; на ней написано “BUD”. Позже, по дороге в уборную, меня приветствует жестоко искалеченный “LABATT” и обезглавленный “MOLSON”. Вместо того чтобы пронумеровать манекенов, им дали имена пивных брендов. Я решаю, что это попытка — очень по-канадски — разрядить обстановку.

Наше первое задание — применить свежобретенные криминалистические знания и определить, какой зверь растерзал несчастную. Мы рассматриваем то, что криминалисты называют «свидетельствами жертвы»: раны и одежду. Самое тяжелое из видимых повреждений расположено выше плеча манекена (уцелело лишь одно из них). С шеи частично содрана кожа, с черепа свисает лоскут, похожий на облупившуюся штукатурку. Глаза, нос и губы отсутствуют. Мы согласны друг с другом: это не похоже на работу *Homo sapiens*. Люди редко едят своих жертв. Если убийца отделяет часть тела, это чаще всего руки или голова, чтобы с трупа нельзя было снять отпечатки или идентифицировать его по зубам. Убийцы время от времени берут какой-нибудь трофей, но плечо или губа — маловероятный выбор.

Наш вывод: женщину убил медведь. Главное оружие медведя — зубы, а морда с короткой шерстью — его слабое место. Когда медведи нападают на человека, они прибегают

к тактике, которую используют в драках с другими медведями. «Они вцепляются друг другу в морду, так? Поэтому медведь инстинктивно кидается вам прямо на лицо». Джоэл Кляйн, наш юный и прямолинейный инструктор, расследовал десять случаев нападения медведей на человека. «И когда он на вас бросается, вы и получаете все эти тяжелые травмы лица». Лицо самого Джоэла — на которое мы сосредоточенно смотрим, слушая его слова, — голубоглазое, чистое и свежее, как персик. Я изо всех сил стараюсь не представлять его самого в том состоянии, которое он описывает.

Медведи наносят такие некрасивые раны отчасти потому, что они всеядные животные. Они, как правило, не убивают ради пропитания, и эволюция оснастила их соответствующим образом. Медведи питаются орехами, ягодами, фруктами, злаками. Они роются в отбросах и подбирают падаль. Вот пума, например, истинный хищник. Пума питается плотью убитых ею животных и поэтому убивает весьма эффективно. Она незаметно преследует жертву, затем внезапно насккивает сзади и наносит «смертельный укус» в заднюю часть шеи. Зубы смыкаются, как лезвия ножниц, и рассекают плоть, оставляя ровный разрез. Медвежья пасть предназначена природой давить и перемалывать: поверхность зубов плоская, а челюсти движутся не только вверх и вниз, но и из стороны в сторону. Раны от медвежьих зубов выглядят хуже.

И их больше. «Медведи — они кусают, кусают, кусают». Наш манекен, говорит Джоэл, выглядит как типичная жертва медведя. «Просто в кашу».

Обернувшись, чтобы взглянуть на манекен, я вижу не только укусы и царапины, но и обширные участки скальпирования и содранной кожи. Джоэл объясняет механику таких повреждений. Череп человека слишком большой и круглый, чтобы поместиться в пасти медведя или пумы целиком так, чтобы

животное смогло размозжить его или откусить кусок. Поэтому, когда хищник смыкает челюсти, зубы соскальзывают и сдирают кожу. Представьте себе, как вы кусаете перезрелую сливу, — вот так кожа и снимается.

У оленей, любимого блюда пум, шея более длинная и мускулистая по сравнению с нашей. Когда пума пытается применить свой фирменный смертельный укус к человеку, ее зубы натыкаются на кость в том месте, где должны быть мышцы. «Они пытаются вонзить клыки и сжать челюсти и таким образом захватывают плоть и отрывают ее», — рассказал нам сооснователь WHART Кевин Ван Дамм в лекции под названием «Атакующее поведение пумы». Ван Дамм похож на астронавта, а голос его и без микрофона долетает до дальней стены зала «Пандероза». В какой-то момент я открыла в телефоне приложение для измерения громкости звука и с удивлением увидела, что оно показывает 79 децибел, что громче кухонного утилизатора отходов.

По следам когтей понятно, что нашего манекена прикончила не пума. Когти кошачьих, в отличие от когтей собачьих, погружаясь в плоть жертвы, оставляют треугольные проколы. Если же на человека напал медведь, вы, скорее всего, увидите картину, которую сейчас наблюдаем мы, — параллельные резаные раны.

Джоэл шагает к голове манекена:

— Окай, что у нас тут еще? Отсутствуют нос, губы, так? Так что нам стоит подумать о том, чтобы поискать их...

— В желудке у медведя, — выкрикивает кто-то из моих соучеников.

— В содержимом желудка*, точняк.

* Ученые существовавших некогда отделов экономической орнитологии использовали содержимое желудка как доказательство в случаях, когда птиц обвиняли в совершении налетов на фермы, охотничьи угодья и рыболовные промыслы. В 1936 году Министерство сельского

Джоэл постоянно говорит «точняк». Позже, когда я писала эту главу, мне вспоминалось еще и слово «бинго», но, может быть, это воспоминание навеяно происходившим за стеной.

Ни у одного из наших манекенов не вскрыт живот. Ни один не подвергся, как называет это Ван Дамм, «поеданию внутренних». Поначалу меня это удивляет. По работе над предыдущей книгой мне известно, что плотоядные хищники, как правило, первым делом вспарывают добыче живот, чтобы добраться до самых питательных органов. На людях такие повреждения увидишь нечасто — и одна из возможных причин заключается в том, говорят наши инструкторы, что люди носят одежду. И медведи, и пумы, поедая тела убитых или умерших, избегают мест, прикрытых одеждой. Может, она не нравится им на вкус или на ощупь, или же они не понимают, что под одеждой — мясо.

Джоэл указывает на раны на шее и плече. «Что думаем, предсмертные они или посмертные?» Другими словами, жива была наша жертва или мертва, когда ей нанесли эти увечья? Это важно знать, потому что иначе на медведя, полакомившегося мертвецом, может пасть несправедливое обвинение в убийстве. Заметив синяк около колотых ран, мы решаем, что их нанесли,

хозяйства США в своем докладе приводило следующие примеры: гаг подозревали в том, что они разоряют места обитания гребешка; ловцы лягушек расстреливали желтоголовых кваков, птиц, которые в действительности питаются речными раками; охотники убивали полевых луней, потому что думали, что эти птицы охотятся на перепелов. В каждом из этих случаев обвинения с птиц были сняты благодаря содержимому их желудков — счастливый исход для всех, кроме тех самых особей, что пожертвовали своими желудками ради жизни других. В исследовательском центре дикой природы Патаксент в штате Мэриленд хранилась коллекция из нескольких тысяч стеклянных баночек с содержимым птичьих желудков — до тех пор, пока нехватка места не вынудила отправить их в мусорный бак.

когда жертва еще была жива. Мертвые люди не кровоточат, у них не образуется синяков, потому что синяк — это, собственно, подкожное кровоотечение. Если сердце не качает кровь, кровь не течет.

Джоэл рассказывает нам историю обглоданного трупа, найденного в лесу недалеко от автомобиля. Труп был частично засыпан листьями. Обглодал его, судя по следам зубов, медведь — и какого-то медведя действительно поймали неподалеку, — однако на теле человека и рядом с ним крови было немного. Криминалисты обнаружили следы от иглы между пальцами ног жертвы и использованный шприц на полу в автомобиле. Вскрытие подтвердило, что этот человек умер от передозировки. Медведь, как говорит Джоэл, «просто воспользовался возможностью получить немного качественной пищи с высоким содержанием жиров и калорий», вытащил труп из машины, немного перекусил и припрятал, чтобы вернуться к нему позже. Медведя освободили.

Джоэл переворачивает наш манекен лицом вниз, демонстрируя парочку других предсмертных резаных ран на спине. Я указываю на две маленькие выемки вдоль позвоночника, рядом с которыми нет ни покраснений, ни крови. Вспомнив вчерашний слайд, иллюстрировавший посмертные повреждения, нанесенные грызунами, я осмеливаюсь предположить, что нашим трупом поужинало еще и какое-нибудь мелкое лесное создание. Джоэл обменивается взглядом с одним из моих соучеников, биологом дикой природы из Колорадо.

«Мэри, это следы от литья под давлением». Он имеет в виду технологический процесс изготовления манекена. Это было бы не так стыдно, если бы, делая записи на одном из предыдущих заданий, я не спутала сантиметры с миллиметрами, указывая длину отметин от зубов, и не внесла тем самым в список улики пасть размера, невиданного со времен юрского периода.

Теперь от «свидетельств жертвы» мы переходим к «свидетельствам животного»: уликам *на* или *внутри* «подозреваемого», застреленного или пойманного неподалеку от места нападения. Например, говорит Джоэл, можно поискать частицы плоти жертвы в десневых карманах (обездвиженного) животного. Странно думать, что у медведя в зубах может застрять человек, но вот тебе пожалуйста.

У пумы, добавляет Джоэл, иногда можно найти человеческую кровь или плоть в бороздке внутренней части когтя. «Вам нужно вытащить их наружу, эти втяжные когти, и поискать улики прямо под ними, так?»

Когти могут вводить в заблуждение относительно размеров лап напавшего. Когда животное наступает на лапу и переносит вес тела на стопу, пальцы распластываются, и стопа кажется больше. Кроме того, дознавателям стоит быть внимательнее при измерении дыр, оставленных когтями или зубами на одежде, потому что одежда могла замяться или образовать складку, когда зуб или коготь ее проткнул.

— Ока-а-ай, что еще мы ищем?

— Кровь жертвы на шкуре? — предполагает кто-то.

— Ага, точняк.

Джоэл предостерегает: если медведя застрелили на месте преступления (а не поймали после), его кровь может смешаться с кровью жертвы и загрязнить образцы ДНК.

— И как этому помешать?

— Заткнуть рану!

Вот почему мужчины из Службы охраны природы Британской Колумбии возят в своих пикапах коробки с гигиеническими тампонами.

Конечная цель наших поисков — улики с места преступления, которые связывают убийцу с жертвой. Джоэл отхо-

дит, чтобы взять со стола один из черепов. Он прикладывает верхнюю челюсть к ряду ран на плече манекена. Это похоже на примерку хрустальной туфельки. Подходят ли верхние клыки и резцы к следам укусов на плече манекена? И если да, совпадают ли нижние зубы с соответствующими отметинами с другой стороны тела?

Они совпадают. «Давление и... — Джоэл вкладывает зубы нижней челюсти в раны на спине манекена. — Противодействие. Вот он, ваш дымящийся пистолет».

В начале главы я упоминала человека, найденного на туристической тропе с колотыми ранами в области шеи. Дознаватели сочли это нападением пумы, хотя на жертве не было найдено следов, которые могли бы оставить верхние и нижние зубы одной и той же пасти. Раны, как оказалось, были нанесены вовсе не зубами, а ножом для колки льда. Убийца двенадцать лет оставался безнаказанным, пока не похвастался содеянным перед сокамерником, отбывая тюремный срок за другое преступление.

Иногда случается и наоборот. Человека признают виновным в убийстве, которое на самом деле совершил дикий зверь. Самый известный случай — дело Линди Чемберлен, австралийки, которая в 1980 году, отдыхая с семьей на природе недалеко от Айерс-Рок, подняла тревогу, увидев, как собака динго убегает с ее ребенком в зубах. Об этом случае нам рассказал один из наших инструкторов, специалист по нападениям хищников (и — не переключайтесь — человек, сам переживший такое нападение) Бен Битлстоун. У австралийских следователей не было под рукой ни тела, ни пойманного динго, поэтому они не могли сделать то, что сейчас делаем мы: связать свидетельства жертвы со свидетельствами животного. Поскольку эту взаимосвязь невозможно было установить, суд руководствовался предположениями (например, смог бы или стал бы динго уносить пятикилограммового ребенка), человеческим

фактором и ажиотажем в СМИ, повлиявшим на общественное мнение. Примерно через три года после того, как Линди осудили, поисковая группа, искавшая останки разбившегося скалолаза, обнаружила логово динго с лоскутками детской одежды. Чемберлен выпустили и оправдали, приговор был отменен. Динго действительно съел ее малыша.

В наши дни такая взаимосвязь часто сводится к совпадению образцов ДНК. Совпадает ли ДНК пойманного (или убитого) подозреваемого с ДНК шерсти или кожи под ногтями жертвы? Совпадает ли ДНК животного с ДНК слюны, найденной на жертве? Когда дело касается нападения диких зверей, падальщики могут усложнить задачу. Например, если слюна возле отметок зубов на, скажем, куртке с высокой степенью вероятности принадлежит напавшему животному, то слюна, собранная с кожи жертвы, может принадлежать зверю, который питался трупом позже.

Там, в канадской глуши, медведей полно, поэтому установить надежную взаимосвязь крайне важно. Ван Дамм рассказал нам о женщине, убитой медведем во дворе ее собственного дома в Лиллуэте (Британская Колумбия). Его команда установила ловушки и взяла образцы ДНК у двух «подозреваемых медведей», прежде чем им удалось отыскать совпадение с третьим. Невинных зверей отпустили на волю.

Наступает час пива (так в Канаде называют пять часов пополудни). Инструкторы наводят порядок на столах, относят манекены к задней стене конференц-зала и сгружают их на пол у стола с напитками. Чтобы в последний раз на сегодня долить себе кофе, приходится перешагивать через тела. Я перехватываю одного из моих соучеников, Аарона Косс-Янга, офицера Службы охраны природы с Юкона, чтобы наскоро расспросить его о том,

о чем на тренинге WHART нам не рассказывали, а именно: что делать человеку в случае нападения или просто неожиданной встречи с диким животным. Аарон соглашается. Он ровесник Джоэла, похож на него приятными чертами лица и манерами.

Вам, возможно, знакомо правило «Черный — дерись, бурый — ложись». Идея в том, что бурые медведи, к которым относятся и гризли, могут потерять интерес к человеку, если тот прикинется мертвым. Одна проблема: мех бурых медведей может быть черным, а некоторые черные медведи кажутся бурыми. Различить их проще всего по длине и кривизне когтей, но, если вам отчетливо видны медвежьи когти, вам это знание уже едва ли пригодится. Самое важное — понять, как говорит Аарон, не с каким видом медведя вы столкнулись, но с каким видом атаки. Хищническая она или оборонительная? Медведи чаще всего нападают, обороняясь. На самом деле они скорее блефуют, чем атакуют. Вы спугнули зверя или подошли слишком близко, а он предпочел бы, чтобы его оставили в покое. «Он хочет казаться большим и страшным. Уши его не прижаты, а стоят торчком. — Аарон прерывается, чтобы высморкаться. Он ужасно простужен. — Медведь может бить лапами по земле. Пыхтеть». Показывать зубы или щелкать ими. (Но он не будет рычать или реветь, как это показывают в кино.)

Аарон запихивает салфетку в карман толстовки. «Он просто хочет напугать вас до полусмерти». Гризли же, в отличие от черных медведей, эволюционировали на открытой, менее лесистой местности. Часто у них нет возможности просто раствориться среди деревьев, как обычно поступают черные медведи. Вместо этого гризли заставляет убегать *вас*.

Рекомендованная реакция на блеф — выглядеть максимально безобидным. Медленно отступайте назад. Говорите спокойным тоном. Скорее всего, с вами все будет в порядке —

даже если вы наткнулись на медведицу с медвежатами. При всем изобилии медведей в Британской Колумбии, при том, что встречи с ними нередки, при всей шумихе вокруг опасности, которой грозит встреча с мамой-медведицей, в провинции зарегистрировано только одно нападение подобного рода со смертельным исходом. (Это был гризли. Ни одна черная медведица с медвежатами еще никого не убила.)

В случае хищнической атаки стратегия выживания будет прямо противоположной. Хищнические атаки медведя редко начинаются исподтишка и с явным умыслом. Вопреки распространенному мнению, так чаще нападает не гризли, а как раз черный медведь. (Притом что хищнические нападения — редкость для обоих видов.) Медведь может следовать за жертвой на расстоянии, описывать круги, появляться и исчезать. Если медведь атакует с прижатыми ушами, это *вам* нужно выглядеть устрашающе. Расстегните куртку, чтобы казаться больше. Если с вами другие люди, встаньте бок о бок и кричите, чтобы выглядеть как одно большое и громкое чудище. «Попытайтесь дать медведю понять, что не сдадитесь без боя, — говорит Аарон. — Топайте ногами, кидайтесь камнями».

То же самое верно, если на вас нападает пума. Берите пример с канзасского первопоселенца Н. К. Фэнчера, который весной 1871 года, осматривая скелет буйвола, заметил, что за ним следит пума. Как рассказывает книга «История первопроходцев Канзаса», Фэнчер засунул ноги в рога мертвого буйвола, схватил бедренные кости и принялся прыгать и стучать ими у себя над головой, «отчаянно вопя». Пума сбежала — и кто бы не сбежал на ее месте?

Но что, если животное не испугается и все-таки нападет? «Деритесь изо всех сил», — говорит Аарон. Если это медведь, вцепитесь ему в морду. Аарон показывает на свой нос, красный и опухший. «Не притворяйтесь мертвым». Если вы в этот

момент притворитесь мертвым, высока вероятность, что долго это делать вам не придется.

Худшее, что можно сделать, когда хищник собрался на вас напасть, — это развернуться и побежать. Это касается прежде всего встреч с плотоядными охотниками вроде пум, потому что в их случае бег (а также катание на велосипеде) запускает реакцию «хищник — добыча». Это что-то вроде рубильника, и как только он переключился, он остается во взведенном состоянии на удивление долго — пока добыча не будет убита.

Инструктор WHART Бен Битлстоун на себе испытал упорство и настойчивость пумы в режиме атаки. Бен, офицер Службы охраны природы местечка Вест-Кутеней в Британской Колумбии, не раз выезжал на вызовы по поводу нападений хищников — обычно дело ограничивалось медведями и легкими травмами. Несколько лет назад он отправился на необычный вызов. Отощавшая пума околачивалась у дома пожилой пары. Битлстоун рассказывал об этом случае на вчерашней презентации. Он вышел из машины без оружия, подошел к двери и постучал. Ему и в голову не пришло, что пума следит за хозяевами *в этот самый момент* — через окна. «Если человек выходил из одной комнаты и шел в другую, — вспоминал Бен, — пума переходила от окна к окну». На окнах были отпечатки лап.

Внезапно хозяин захлопнул дверь. Битлстоун обернулся и увидел пуму в полутора метрах от себя: зверь сжался перед прыжком, уши прижаты к голове, хвост мотается из стороны в сторону. «Я орал, кричал и пинался — делал все, что мы советуем делать в таких случаях. Ничего не сработало». Пума прыгнула. Бен попытался придушить ее, но она отскочила, развернулась и вонзила клыки ему в ботинок. Он схватил метлу, прислоненную к стене дома, и принялся колотить пуму, но та не собиралась разжимать пасть. Бену удалось просунуть

древко метлы зверю в глотку. Тем временем хозяева просто наблюдали за происходящим через окно. Битлстоун сдерживал пуму дешевой алюминиевой метлой и вопил: «Эй! Эй!»

«Наконец старик открыл дверь и такой: “Чего?” И я такой: “Мне нужен нож!”» Тип пошел на кухню и принялся искать самый подходящий, по его мнению, нож, который, как оказалось, был в посудомоечной машине. Наконец он раздобыл нож, принес его Битлстоуну, и тот прикончил зверя. (При вскрытии во входном отверстии желудка пумы нашли застрявший кусок кроссовки: он-то и морил животное голодом.)

Игра в бинго заканчивается в тот момент, когда мы с Аароном собираем вещи и выходим из конференц-зала. Один из игроков, шустрый, хоть и немного сутулый, идет в сторону мужского туалета; Кевин Ван Дамм топает по коридору с окровавленным полуобнаженным манекеном под мышкой. Ван Дамм — внушительный тип, такие дорогу не уступают. Игрок в бинго замирает на месте. «Прошу прощения», — говорит Ван Дамм, воздерживаясь от дальнейших объяснений.

На дороге длиной в 400 метров, что ведет от парковки казино «Бумтаун» к реке Траки, автомобили встречаются редко. Но сегодня прокатиться здесь было бы интересно: тут и там желтая полицейская лента ограждает многочисленные места преступлений. Мужчины в форме и женщины в неоновозеленых жилетах группы реагирования на нападения хищников ходят туда-сюда с винтовками и мешками для трупов. Сегодня день полевых занятий WHART.

Место преступления, выделенное моей группе, расположено между дорожным отбойником и дном крутой каменистой насыпи. Накануне вечером мы получили сообщение о мнимом нападении. Поссорившись со своей девушкой, молодой человек

не стал ночевать в их домике на колесах, а устроился снаружи в спальном мешке. Ровно в четыре часа утра шерифу поступил звонок: девушка заявила, что ее молодой человек пропал; шериф сразу выехал на место. Там он обнаружил пустой спальный мешок и заметил волка, которого и пристрелил. Затем он передал дело группе реагирования на нападения хищников. Это мы.

Наша первая задача — зачистить сектор, чтобы удостовериться, что ни одно крупное животное тут не притаилось. Пумы и медведи иногда прячут тела жертв, слегка прикапывая их листвой и ветками, а позже возвращаются, чтобы продолжить пир. Из-за этого «место преступления» может быть опасным для группы реагирования.

Молодая женщина подходит к человеку из нашей группы, который по сценарию возглавляет операцию. «Где мой брат? — говорит она. — Что здесь происходит?» Я не сразу соображаю, что она тоже играет роль. Свои реплики она выдает без всякого намека на волнение, с интонацией «Привет, как дела». Тем временем чуть выше по дороге разыгрывается сценарий поинтереснее: оттуда доносятся отчаянные вопли в стиле Н. К. Фэнчера: «Вы должны его найти! Ему же всего двенадцать лет!» Так всегда бывает на подобного рода практических занятиях: подставные в основном как будто зачитывают новости по радио, но хоть один Аль-Пачино обязательно найдется.

Наш шеф кладет руку на плечо «сестры»: «Мы получили сообщение, что здесь дикий зверь».

«Какой зверь? — Звучит так, будто она собирается сходить за биноклем. Женщина поднимает ногу, чтобы перешагнуть через полицейскую ленту. — Я должна спуститься и поискать брата».

Наш старший мягко берет ее за руку: «Послушайте, вам нельзя туда спускаться, это может быть опасно. Там работает оперативная группа, они прочесывают местность».

Мы уже использовали такой метод изучения местности. Четыре человека движутся спина к спине с ружьями на изготовку — это очень похоже на осьминога с пушками. Каждый просматривает сектор прямо перед собой (пронумерованный, как на циферблате часов: 12, 3, 6 и 9) и, если никакой опасности не видит, кричит «чисто». После этого кричать «чисто» должен человек справа от него. И далее по кругу до бесконечности. Так окружающее пространство просматривается во всех направлениях, а кроме того, это еще и безопасно в том смысле, что никто из группы случайно не направит оружие на другого. Если же кто-то заметит опасность, он об этом сообщает, а члены команды справа и слева от него заходят ему за спину. Теперь три ружья взяты на изготовку, а четвертое по-прежнему прикрывает тылы. Когда мы учились прочесывать местность, опасного зверя играл Джоэл. Я надеялась на какую-нибудь пантомиму, может, даже на костюм, но он просто шагнул нам навстречу и сказал: «Я медведь».

Четверо из моей команды пробираются через кустарник. Аарон карабкается на валун, чтобы занять снайперскую позицию, — правда, выглядеть угрожающе ему мешает салфетка, зажатая в руке, которой он поддерживает ружье. Я снова фиксирую детали в блокноте (потому что «ты ж писатель»).

«Медведь, на три часа!» В этот раз это не Джоэл. Это реалистичная модель, одна из тех учебных мишеней из твердого пенополиуретана, которые используют при обучении стрельбе из лука. «Шесть часов» и «двенадцать часов» скользят за спину «трем часам», перебирая ногами по неровной земле и не глядя вниз. Они синхронно поднимают ружья — это похоже на балет. Как будто синхронное плавание со стрельбой. Вот бы включить этот вид спорта в программу Олимпийских игр!

Быстро сосчитав до трех, команда «стреляет» в пластикового медведя. Кто-то просит принести тампоны. Веселье позади.

Был ли волк, которого шериф подстрелил прошлой ночью, ложным следом, случайным прохожим? Выяснить это — наша работа. Настоящая детективная история из жизни дикой природы.

Жертва — которую изображает один из вчерашних манекенов — вскоре находится под кустом у подножия насыпи, ниже пустого спального мешка. Один из членов команды делает вид, будто фотографирует тело; он торопится, потому что приветливый коронер, которого играет Джоэл, хочет унести труп до того, как наступит дневная жара. У нас будет возможность осмотреть его позже, в морге, то есть в зале «Пандероза».

Когда местность зачищена, приходит время искать улики. Уликами, как известно каждому любителю теледетективов, называют вещественные доказательства. Тела, спальный мешок, отпечатки пальцев и лап, следы волочения — все это улики. Тем из них, которые позже отправятся в лабораторию, присваивают номера; их фотографируют на месте обнаружения, а затем кладут в специальные пакеты. Там, где были найдены вещдоки, в землю втыкают специальные флажки. Моя задача — фиксировать все в отчете: краткое описание вещдока, его номер и где он был обнаружен. Что я и делаю — неразборчиво и, скорее всего, перепутав графы.

Следы в грязи оставил медведь. Это хорошо, потому что волков мы не проходили. (Потому что они на людей почти никогда не нападают.)

Теперь вся команда, стоя на четвереньках, ищет шерсть животного и кровь. Это нудная, утомительная, неудобная, но важная работа. Кровь на месте преступления может о многом рассказать. Круглые капли на земле предполагают «гравитационный след»: кровь капает из раны под собственным весом. Удлиненные капли тянутся за бегущей жертвой. «Насильственный след» — кровь брызжет под воздействием силы — скажем, удара

лапой или давления на крупную артерию; капли в этом случае вытянутые, с хвостом, как у кометы. Это не капли, а брызги.

Кто-то находит цепочку капель. Джоэл советует нам присмотреться к их размеру. Если капли крови в цепочке становятся меньше, скорее всего, они вытекли не из раны. Они могли капать с меха зверя или с ножа убийцы. Если размер капель не меняется, скорее всего, они капали из кровоточащей раны. Мазок крови — «след контакта»: здесь жертва, вероятно, падала или опиралась обо что-нибудь окровавленной ладонью.

Когда нам кажется, что мы отыскивали уже все, что должны были, Джоэл наклоняется и переворачивает листок, демонстрируя нам крошечную каплю крови с обратной стороны. Мы его пропустили. Мы многое пропустили — кровь на камнях, растениях, на земле. «След сбрызг», — говорит кто-то со знанием дела.

Джоэл кивает и примирительно добавляет: «Брызг, а не сбрызг».

Кровь и следы в грязи рассказывают историю нападения. Пятна и мазки крови на спальном мешке — это первые укусы. Следы волочения и равные по размеру капли крови — это медведь вытащил парня из спального мешка и поволок его в чащу. Следы схватки и кровь в грязи — это человек пытался вырваться, а брызги на камнях и растениях появились, скорее всего, когда медведь тряс человека, пытаясь сломить его сопротивление. Если бы тело какое-то время пролежало в лесу, химические следы тления оставили бы последнюю улику: пятно или зону черной вегетации, которую называют «островком разложения». На этом островке не бывает красивых пляжей.

Раны нашей жертвы, говорит нам Джоэл, воспроизведены на одном из манекенов. Здесь, на месте, его нет, но мы осмотрим его в классе завтра утром, когда попытаемся установить связь между жертвой и хищником.